

- А! - прамовіў пісар, акінуўшы Лабановіча прыжмуранымі вачамі, і падаў яму руку. - Прасвяшчаць, значыць, прыехалі?.. (С.25).

Розныя мыслі аб школе займалі Лабановіча і раней (С.37).

І трудна было вызначыць, куды яна ідзе: сюды ці ў другі бок (С. 42).

Кароткія зімнія дні праходзілі незаметна, іх не хапала на тое, каб як след правесці работу (С. 53).

- Добры вечар, Галіна! - громка паздароўкаўся дзяк. - Дома настаўнік?

Сярод крэмінальнікаў быў малады, крэпкі, як дуб, чалавек, паунаўладны гаспадар у сваёй камеры (С. 730).

Арганічна ўплываючыся ў тэкст, русізмы ў творах Якуба Коласа індывідуалізуюць моўныя характарыстыкі герояў. Ствараючы іх, пісьменнік прымае пад увагу месца, дзе адбываліся падзеі, час дзеяння, сацыяльнае становішча герояў, узровень іхняй адукацыі і г.д.

Функцыі русізмаў у беларускамоўных мастацкіх творах самыя розныя. Да важнейшых з іх, на нашу думку, адносяцца: стварэнне аўтарам дадатковых сэнсавай, эмацыянальнай, экспрэсіўнай і іншай характарыстык вобраза герояў, моўных асаблівасцяў дзеючых асоб, адлюстраванне спецыфічнага каларыту - нацыянальнага, бытавога і інш. Нярэдка такія русізмы выконваюць некалькі функцый адначасова. Галоўнае ж - своечасовае і да месца ўжыванне іх у тым ці іншым творы. Функцыянальныя русізмы як іншамоўныя элементы з задзейнаванай мастацка-стылістычнай нагрукі з тэкстам у цэлым утвараюць адзіны стылістычны сплав, у той час як нефункцыянальныя могуць выклікаць непаразуменне разбурэннем стылістычнай цэласнасці нават твора, напісанага таленавітым пісьменнікам. Да гонару такога сапраўднага майстра слова, як Якуб Колас, яму практычна поўнасьцю удалося пазбегнуць такога разбурэння стылістычнай цэласнасці сваіх высокамастацкіх праявітых твораў.

Поспехова Н.В.

Белорусский государственный университет (г.Минск)

«ПРОСТРАНСТВО» ВОЙНЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА XVII В

Человеческое общество находится в постоянном движении, изменении и развитии: в различные эпохи люди осознают мир по-разному. Система представлений о мире в ту или иную эпоху образует особую, исторически обусловленную картину мира, основными элементами которой являются концепты - «проекции» явлений действительности в сознании человека.

Свое формальное выражение концепт получает в языке, реализуясь в ряде слов, фразеологизмов, словосочетаний. Задача исследователя заключается в том, чтобы через анализ языковых единиц выявить особенности содержания концепта, отражающего тот или иной фрагмент картины мира. В основе такого анализа лежит изучение языкового поведения (т.е. сочетаемости) имени концепта - ключевого слова, выражающего концепт в наиболее полном объеме. Именно синтагматические связи слова, его взаимодействие с другими словами позволяют выявить различные представления, соответствующие ему в бытовом сознании.

Предметом настоящей статьи является реконструкция одного из фрагментов картины мира русского средневековья - концепта война - по данным памятников деловой письменности XVII в. Следует за-

метить, что реконструкция фрагментов картины мира на материале текстов прошлых веков имеет некоторые особенности. Исследователь не может опираться как на собственные представления о мире, так и на данные психолингвистических (ассоциативных) экспериментов, поскольку от предмета исследования его отделяет значительный временной промежуток. Единственным основанием для наблюдений является анализ контекстных реализаций слова – имени концепта в памятниках письменности.

В качестве материала для наблюдений были выбраны глагольно-именные сочетания со словом *война*, характерные для текстов деловой письменности XVII в., поскольку в этих конструкциях содержится информация, необходимая для выявления содержания концепта *война* в данный период: *Раготцкой князь с свьяными соединилс в воину идти (В-К II, 171); Корол шпанской гораздо радбеть чтоб ему скорбе в поле выти пред катальянн и для тог онь в своии земль велъл выписат в воину пятово члвка чтоб ему против катальянн и португальян свое воиско и таборы укрепити (В-К II, 159)*. Поскольку сочетания глаголов с именами «строятся на основе синсемичности, взаимной готовности обеих сторон к соединению, при наличии обших сем» [1, 12], способность существительного *война* употребляться в вин.п. с глаголами движения (*идти, выписать* – т.е. каузировать движение) можно рассматривать как своего рода тест на наличие у этого имени «пространственной» семантики. Сочетания *идти в воину, выписать в воину* соответствуют типу пространственных отношений, выраженных формулой $V(1) + r + L$ [2, 132], где $V(1)$ – глагол с пространственным значением (местопребывания или движения), L – имя со значением места (локализатор), r – конкретный тип локализации, выраженный в данном случае предлогом *в*.

Предлог *в* входит в группу предлогов с локативным значением и связан, в первую очередь, с понятием 'внутри, в пределах чего-либо'. Употребление существительного *война* в форме вин.п. с этим предлогом свидетельствует о наличии в его семантике указания на место, некоторое ограниченное пространство. Конечно, вряд ли можно говорить о пространстве в «геометрическом» смысле, поскольку *война* является наименованием ситуации, события, а не реального физического объекта и, следовательно, не может быть описана в координатах длины, ширины и высоты. Тем не менее, основания для употребления предлога *в* в данном случае несомненно есть.

В эпоху средневековья вооруженные столкновения носили локальный характер. Небольшая численность армий и слабая техническая оснащенность давали возможность проведения боевых действий лишь на небольшой ограниченной территории (как правило, в пределах одного государства (земли) или города): *кажетца что воина тянетца быть опят в здешнем королевстве (В-К II, 47); а будет арцухъ Берентъ с верху на него придет и у нас около сего города воина будетъ (В-К I, 190); мир меж цесарем и францужскимъ королем совершилс и вперед в Ытальянской земль воины не чаяти (В-К I, 149)*. Массивные средневековые укрепления (крепости, городские валы, шанцы и др.), а также представление о границах государства как о «стенах» способствовали тому, чтобы охваченное войной пространство воспринималось как состоящее из нижней поверхности и поднимающихся вверх плоскостей.

Кроме того, *война* предполагает не только ограниченный участок физического пространства, но и особую действительность: воюющих людей, отношения между ними, принципы ведения боевых

действий. Такое видение определяет войну как многомерное социальное пространство и, следовательно, нахождение там означает нахождение «внутри».

Следует, однако, принять во внимание, что в средние века членение мира на природное пространство и пространство социальное было в большей или в меньшей степени условным, конкретное и абстрактное «не разграничивались или, во всяком случае, границы между ними были нечеткими» [3, 22]. Анализ языкового материала показывает, что в основе осмысления войны как особой социальной реальности лежат представления о реальности физической: война как некая субстанция, заполняющая пространство: *Да ис того ж города Люрна пишет Эдвотт Бит х Томасу Бинзриу что ннешнее время худо събьдски полны воиню (В-К III, 90)*. Война стремится заполнить пространство, которое имеет ограниченный объем (стены города, границы государства) и где уже существует другая социальная реальность. Согласно законам физического мира, одна субстанция стремится «вытеснить» другую: *мы и такь утеснены в ннешние в настоящие времена по особн.. (обрыв 1-2 буквы) от такие великие воины которая лежит на нас и на ншей отчинной земль (В-К II, 203)*. Такое осмысление войны – как пространства и как заполняющей его субстанции одновременно – полностью соответствует онтологическим представлениям средневековья. В сознании человека того времени тело (субстанция) и занимаемое им пространство образуют единое понятие, «едины по своей сути». [3, 100]

Представление о войне как о материальной субстанции, занимающей ограниченное место в пространстве, реализуется и в следующих контекстах: *велеможнъишеи и высокорожденной князь и гсдръ гсдръ Лудвик Четвертый на десята христианской кораль французской и наварской тако ж его любительная гсдрня мать... по особному доброхотнью и христианскому жалебню не токмо что о Норветцком гсдрстве но и о всъх христианских гсдрствах гдль нне давную воину ведутъ добро показалос и всякими мърами тово искать чтоб ннешняя ссора и воина меж обоихъ норветцких гсдрствъ отставит а в то мъсто учинит мир и покои (В-К 111, 22)*; и *нши норвецкие гсдрственные послъ.. с великимъ радънием с крълкими договоры к тому привели что по се число всякую ссору и недружбу и несоединене и воину отставит а в то мъсто учинит постоянная нерушимо миръ и добрую вьрную дружбу (В-К 111, 22)*. Таким образом, законы физического пространства проецируются на социальную реальность: война получает характеристики материального объекта, некой объемной субстанции. Эта субстанция способна заполнить ограниченное пространство, ее можно переместить («отставить») и «в то место» поместить другой объект.

Такое осмысление войны сделало возможным употребление существительного война с предлогами к и у в пространственном значении: *а тъм кораблямъ иным из нихъ идти на море а иным идти к воинъ к приступу водянымъ путемъ (В-К 1, 62)*; *собралис к тои же воинъ на помоч туркам нши природные недруги татарова (В-К 1, 63)*; *маршалоку Ленцу вскоре назад сюды бытии немочно от помъшки тяжкой воины потому что его королевское величество сам у тои воины своєю парсуюю пребывает (В-К 11, 190)*. Стоит заметить, что в современном русском языке подобные конструкции невозможны для существительных – наименований событий (* находиться у соревнования; * идти к соревнованиям) и возможны для существительных – наименований объектов физического мира (ср.: находиться у реки/у города; идти к реке/к городу).

«Пространственное» значение слова война обнаруживается в конструкции с предлогом на: *турской црѣ сам будет на воину своею головою* (В-К I, 21). Основное значение предлога на связано с понятием поверхности, и по этому признаку предлог на противопоставляется предлогу в. Выбор предлога при слове война во многом определен семантикой глагольного члена словосочетания, а значит, зависит от осмысления ситуации в целом. Так, предлог в в рассмотренных выше случаях употребляется при глаголах направленного движения, в то время как конструкция с предлогом на употребляется при глаголах со значением местонахождения (быти). В последнем случае субъект действия находится на значительном расстоянии от места войны, что позволяет «игнорировать» вертикальные границы пространства, и война представляется уже не как многомерный объект, а как точка (плоскость) на поверхности земли.

Следует, однако, отметить, что в сочетании с глаголами, имеющими значение приготовления, предложно-падежное сочетание на воину совмещает пространственное значение диктанда и значение цели, предзнаменности действия: *в зльших мѣстех на воину готовятца* (В-К I, 145); *велики князь московский гораздо инако и крѣпче первого вооружаетца на воину* (В-К I, 134); *ему лазутчики ево которые живут в ордѣ сказали что орда татарская с великою силою готовятца на воину в землю его црского величества к Москве* (В-К III, 99).

Таким образом, анализ глагольно-именных сочетаний в текстах деловой письменности XVII в. показал, что в данную эпоху война концептуализируется как локус (locus) – место, занимаемое определенной субстанцией. Такое осмысление войны вполне соответствовало средневековому пониманию онтологической категории пространства. Представление «пространства войны» как вместительща (объема) или плоскости (поверхности) обусловлено семантикой глагольного члена синтагмы и эксплицируется в сочетании слова война с предлогами, указывающими на тип пространственных отношений.

Литература

1. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Наука, 1988.
2. Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка: Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. В-К I – Вести-куранты 1600 – 1660 гг. – М.: Наука, 1975. В-К II – Вести-куранты 1642 – 1644 гг. – М.: Наука, 1976. В-К III – Вести-куранты 1645 – 1646, 1648 гг. – М.: Наука, 1980.

Рудая С.Н.

Белорусский государственный университет (г. Минск)

ИДЕОМАТИЧНОСТЬ ЯЗЫКА НА ЛЕКСИЧЕСКОМ И ДРУГИХ УРОВНЯХ

С древнейших времен ученых интересует соотношение языка и человеческой культуры. В настоящее время антропологи, лингвисты, психологи и философы продолжают осмысливать роль языка в человеческой деятельности и его связь с культурой. Можно рассматривать язык и как часть культуры (продукт духовной деятельности людей), и как проявление культуры (если понимать культуру как высокий уровень достижения чего-либо), и как средство передачи (трансляции) культуры в пространстве и времени, и как коррелят (инструмент моделирования) культуры, т.е. реализацию возможности фикси-